

УДК 9(571.53)(092)

Книга о первых иркутянах

А. В. Дулов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рецензия содержит анализ монографии С. А. Гурулева «Первые иркутяне» (Иркутск, 2011). По мнению автора рецензии, книга содержит большой и ценный материал о жителях Иркутска второй половины XVII в., но имеет и ряд существенных недостатков.

Ключевые слова: монография, именной, первопоселенцы, казаки, таблица, летопись.

Недавно из печати вышла новая книга, содержащая ценные материалы по истории Иркутска (Гурулев С. А. Первые иркутяне. Иркутск, 2011).

Крупная монография (более 400 страниц) интересна тем, что дает представление о древнейших жителях Иркутска и его окрестностей.

Именной ее составлен в основном по переписям иркутян 1686, 1698 и 1699 г., т. е. охватывает жителей Иркутска XVII в. Автором использованы и дополнительные материалы, в том числе и архивные документы.

В именной, составленный С. А. Гурулевым, вошло 1856 имен. В их числе 1296 жителей Иркутского острога, а затем – города. Кроме того, включено 560 жителей Иркутского уезда, что вполне объяснимо. Некоторые из окрестных жителей в дальнейшем переселились в Иркутск; случались и противоположные миграции.

Большая и плодотворная работа по выявлению иркутян XVII в. заслуживает, несомненно, положительной оценки. Она весьма полезна еще и потому, что фамилии первопоселенцев Иркутска нередко имеют и современные иркутяне, что может существенно помочь им в выяснении своих предков. Именной важен и для профессиональных историков, поскольку представляет собой справочник о первых иркутянах. Каждое лицо, упомянутое в книге, имеет пояснительный текст, занимающий иногда лишь одну-две строчки, иногда же – несколько страниц.

Приведем один пример, поясняющий, какого рода комментарии встречаются чаще всего: «Малыгин Симон таможенный голова, 1697 г.; посадский человек с годовым оброком с человека по 16 алт. 4д., 1698 г.; посадский человек с годовым оброком с человека по 17 алт., жил своим двором, был женат, дети: Ивашко 12 лет, 1699 г.; в 1701 г. он был в Москве по делу об илимском воеводе Челищеве» (с. 121).

Иногда же отдельные биографии превращаются в целую статью. Так, о Леонтии Кислянском приведены обширные сведения. Родился он в 1641 г.,

умер после 1701 г. Он – «живописец Посольского приказа и Оружейной палаты в Москве 1671–1679 гг.; енисейский письменный голова, 1680–1682; иркутский воевода, 1688–1692, житель Московского уезда» (с. 90). Этому незаурядному человеку отведено 13 страниц.

Григорию Петровичу Кибиреву, таможенному подьячему, толмачу, посвящено 7 страниц. Материалы о Перфильевых занимают 20 страниц (с. 144–163). Особенно подробно рассказано о четырех Перфильевых, служивших в конце XVII в. в значительных должностях (атаманов, сотников, приказчиков острогов – Василий Иванович, Иван Максимович, Максим, Остафий Иванович), и очень коротко еще о трех представителях этого рода. Автор приводит важные сведения об основателе Иркутского острога Якове Ивановиче Похабове (с. 171–175). 9 страниц уделено Николаю Спафарию, русскому послу в Китай в 1675–1678 гг., оставившему подробное описание своего путешествия через Сибирь в Китай. На семи страницах рассказывается о деятельности братьев Ивана и Алексея Ушаковых, енисейских промышленников, построивших на реке Иде две мельницы, после чего река стала называться Ушаковкой. Биография Кузьмы Федорова, казачьего пятидесятника, занимает 6 страниц. Житие Федора Черниговского, казачьего пятидесятника, а затем – сына боярского, описано на 11 страницах. Сидору Шестакову, иркутскому сыну боярскому, начальнику торгового каравана в Китай, отведено 6 страниц.

Очень интересны сведения о жителях Иркутского уезда. В именнике более десяти представителей каждого из следующих поселений: Бельского острога, Бирюльской слободы, Верхоленска, Каменки (около 60 человек!), Карлука и Тальки, Кривой Луки, Куды, Жилкино, Оека, Разводной, Смоленщины, Тунки, Урика, Усть-Куды, Хомутово.

Автором приведен огромный материал, вносящий новые сведения об истории раннего Иркутска и его окрестностей. Для того чтобы определить, насколько велико его значение, я попытался подсчитать число фамилий иркутян, которые я помню. Совпадающих фамилий оказалось 203 из приведенного С. А. Гурулевым именника. На самом же деле их, конечно, больше.

Очень интересно «приложение № 4», в котором перечислены дети первых иркутян (с. 404–410). Там названы 293 человека, иногда – с указанием года рождения, иногда же – только с указанием года, когда он упомянут в источнике. Было бы интересно проследить, сколько «коренных иркутян» рождалось по годам до 1700 г. Автор рецензии, используя список С. А. Гурулева, определил число рожденных в Иркутске лиц до 1680 г. Вот такие получились результаты: 1661 г. – 1 человек, 1666 г. – 5; 1668 г. – 1; 1669 г. – 2; 1670 г. – 2; 1671 г. – 11; 1672 г. – 4; 1673 г. – 2; 1674 г. – 7; 1676 г. – 18; 1677 г. – 4; 1678 г. – 6; 1679 г. – 12.

К сожалению, С. А. Гурулев не говорит о том, насколько отличается этот список от тогдашних реалий; скорее всего, истинные списки рожденных здесь были бы более многочисленными. Но полученные результаты весьма интересны. Они свидетельствуют о том, что первый младенец появился на свет уже в год основания острога. Очевидно, что хотя бы один из 20 казаков, составивших первый гарнизон Иркутска, был женат. В остроге наблюдались

всплески рождаемости в 1666, 1671, 1676 и 1679 г. Вероятно, эти всплески объясняются прибытием незадолго до конкретного года «ссылных женок» (долгое время в Восточной Сибири было мало русских женщин). Могли играть роль и другие, не вполне ясные пока, причины.

Весьма ценная книга С. А. Гурулева не лишена ряда недостатков. Начнем с обобщающих сведений. Автор монографии стремится уточнить установившееся в XX в. у историков мнение, что население Иркутска и Иркутского уезда формировалось в основном выходцами из северных русских уездов. Анализируя составленную им таблицу № 1 (с. 354) о местах выхода иркутян по данным писцовой книги 1686 г., А. С. Гурулев вполне справедливо указывает, что мнение о преимущественном выходе людей в Сибирь из северных городов не подтверждается. Далее он пишет: «Из центральных и южных районов Руси выходило в Сибирь равновеликое число людей. Если с Севера Руси и Поморья шли в Сибирь добровольно, на заработки, руководствуясь желанием обогатиться и вернуться в родные пенаты (...), то из Центра и Юга России шло принудительное, по царским указам, переселение (такие люди начали называться переведенцами), преимущественно “в пашню”, на службу и реже в посад, но отнюдь не в промыслы или торговлю» (с. 25).

Следует согласиться также с выводом автора о том, что за весь период с 1661 по 1700 г. удельный вес представителей северных уездов в населении Иркутска и его уезда преобладает. Вполне справедливо С. А. Гурулев отмечает, что в писцовых книгах учитывалось только гражданское население, но не фиксировались ратные люди (с. 25).

Однако данные таблиц 1686 и 1701 г. (с. 354–355) дают возможность более детально проанализировать вопрос о местах выхода иркутского населения XVII в., не ограничиваясь соотношением северных и других пришельцев – иркутян.

Так, приложение № 1 (по данным 1686 г.) позволяет подсчитать удельный вес четырех групп иркутских жителей. Это – север (75 человек, т. е. 45,73 %); Москва (42 человека, т. е. 25,60 %), средняя полоса (24 человека, т. е. 14,64 %), южные уезды (23 человека, т. е. 14,03 %). Таким образом, четверть первоначального населения Иркутска бывшие москвичи – очень интересный факт! Всего же в этой таблице учтено 164 лица.

Вторая таблица (с. 355) за 1661–1700 гг. содержит, по подсчетам С. А. Гурулева, сведения по 241 лицу. Однако данная цифра ошибочна, и таблица фактически основана на данных о 232 жителях. По моим подсчетам, представители Севера дают здесь 59,05 %, т. е. 137 человек; Москвы – 46 лиц, т. е. 19,82 %; городов Средней полосы – 26 человек, т. е. 11,21 %; Юга – 23 человека, т. е. 9,91 %. Хотя Север здесь заметно преобладает, но столица вновь дает существенный показатель – пятую часть иркутян. В то же время, сравнивая сведения о бывших москвичах за 1668 и 1700 г., выясняем, что после 1686 г. в Иркутск прибыли только еще 4 столичных переселенца.

Досадно, что С. А. Гурулев, указывая в примечаниях использованную литературу или источник, не называет конкретных страниц. Это затрудняет проверку приведенных в книге сведений и ознакомление с новым для читате-

ля материалом. Еще хорошо, если текст, на который ссылается исследователь, имеет всего несколько страниц. А если это книга в несколько сот страниц?

Автор монографии совершенно напрасно говорит о явно ошибочной датировке А. И. Лосевым основания иркутского зимовья в 1620 г., к тому же необоснованно называет его автором «летописи». Однако Лосев составил в 1812 г. «обозрение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии сопредельных одной странах бывших...», а не летопись. Летописцами же в прямом смысле принято называть авторов погодных записей, составленных русскими людьми в XVI–XVII вв. Подробно о явной ошибочности лосевской датировки см: Дулов А. В. Спорные вопросы истории раннего Иркутска // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : материалы Всерос. науч.- теорет. конф., посвящ. памяти проф. В. И. Дулова. Иркутск, 2010. С. 336–337. Совершенно необоснованны, естественно, и упоминания двух «основателей» этого острога (с. 36 и 209). А на с. 28 упоминается человек, который якобы пришел в иркутский острог в 1660 г., т. е. когда острога еще не существовало. Была бы какая-то логика, если бы говорилось, что он пришел в зимовье на острове Дьячем, которого, скорее всего, тоже не существовало. Но как можно прийти в острог за год до его основания?

На с. 5 встречаем досадную опечатку: крещение Руси произошло в 1088 г. (церковь считает, что это случилось в 988 г., специалисты-историки относят это событие к 989 или 990 гг.).

На с. 20 говорится, что Иркутск получил свой герб в 1690 г., вновь повторяя ошибку «Иркутской летописи» П. И. Пежемского и В. А. Кротова. На самом же деле герб город получил лишь после образования Иркутской губернии (см., например: Дулов А. В. История гербов Иркутска и Иркутской области // Земля Иркутская. 2010. № 1). На той же странице изображен «Герб Иркутска», фактически являющийся гербом Иркутской губернии 1878 г.!

На с. 31 публикуется поручная запись, датированная февралем 1665 г., посадскому человеку Петру Афанасьеву. Если верить приведенному там тексту, спустя всего три с половиной года после основания острога в Иркутске уже был и посад, и пашенные крестьяне, и приказные люди. Не слишком ли рано? Кроме того, настораживает тройное упоминание о «великих государях». Иногда в России бывали случаи, когда правили (чаще всего формально) два царя, но в 1665 г. монарх был один – Алексей Михайлович. Может быть, документ следует датировать периодом 1682–1696 гг., когда царями считались Петр и Иван Алексеевичи?

И последнее, самое удивительное. На с. 356–403 дается «именной указатель», задача которого, очевидно, указать, на каких страницах говорится о конкретной личности. Однако, увы! Я проверил несколько десятков имен «указателя», но ... всюду были указаны неверные страницы!

Book on the First Irkutsk Settlers

A. V. Dulov

Irkutsk State University, Irkutsk

The review analyses the monograph of S. A. Gurlev «The first Irkutsk settlers», Irkutsk, 2011. The author reckons that although this book contains great and valuable material on the Irkutsk citizens' life in the second half of the XVIIIth c., it has some drawbacks as well.

Key words: monograph, names list, first settlers, Kazaks, chart, chronicles.

Дулов Александр Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России Иркутского государственного университета, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2-317, 8(3952)240522, e-mail: rus@hist.isu.ru

Dulov Aleksandr Vsevolodovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664025 Irkutsk, Chkalov St., 2-317, phone 8(3952)240522, e-mail: rus@hist.isu.ru